

Н.Н. Лишин

**На Каспийском море. Год
Белой борьбы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Лишин**
На Каспийском море. Год Белой борьбы / Н.Н. Лишин – М.: Книга по Требова-
нию, 2015. – 181 с.

ISBN 978-5-517-97602-4

ISBN 978-5-517-97602-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ

Бакинская Школа Морской Авіаціи пріютила меня у себя въ концѣ 1917-го года послѣ того, какъ пришлось покинуть берега Балтики изъ-за обвиненія въ «активной контрѣ-революціи», ареста, и послѣ безконечныхъ мытарствъ. Если бы не совершенно неожиданная мягкость помощника комиссара Балтійскаго Флота, нѣкоего студента Франкфурта, пришлось бы навѣрное распрощаться съ жизнью, вмѣсто того, чтобы, проѣхавъ черезъ взбаломученную Русь въ Баку, заняться изученіемъ лѣтнаго дѣла. Это изученіе, однако, продолжалось недолго. Начало 1918-го года ознаменовалось на берегахъ Каспія довольно внезапнымъ измѣненіемъ дотолѣ мирной обстановки. Море крови и огня захлестнуло солнечное Баку. Воспользовавшись наступившей и здѣсь революціонной разрухой, не сдерживаемые болѣе крѣпкой русской рукой армяне и татары позволили своей взаимной ненависти выйти наружу. Рѣзню начали армяне, татары не остались въ долгу, и произошло побоище кровавое и дикое, потребовавшее тысячъ и тысячъ жертвъ. Политическаго въ этомъ было мало, но была полная и ужасная картина гражданской войны. Кровь, море крови, пожары и грабежи.

Когда массовыя убійства нѣсколько улеглись, отъ старой мирной и беззаботной Бакинской жизни не осталось и слѣда. Нервы у всѣхъ были напряжены. Было ясно, что

это только начало, что еще очень много придется пережить несчастному городу, какъ и всей Родинѣ нашей. Стала чувствоваться усиленная революціонная агитація. Волны російской революціи подкатывали и сюда.

Школа морской авіаціи жила своей рабочей жизнью. Офицеры жили дружно съ командой, никакихъ недоразумѣній не было. Работа и ежедневные учебные полеты послѣ нѣкотораго перерыва пошли опять нормально. Сталь ощущаться недостатокъ въ моторахъ, и меня послали за ними въ Севастополь. О какихъ моторахъ могла тутъ итти рѣчь? Севастополь переживалъ волну страшнаго террора, хуже того, который пришлось пережить въ Гельсингфорсѣ. Кое-какъ выбрался оттуда. Возвращеніе въ Баку было долгимъ. Все кипѣло по дорогѣ въ спазматическихъ всплескахъ террора. Изъ Тифлиса пришлось ѣхать въ санитарномъ поѣздѣ. Только такіе имѣли возможность проскочить черезъ районы, во владѣніе которыхъ вступили вооруженныя банды дезертировъ съ турецкаго фронта. Все же поѣздъ былъ обстрѣлянь.

Въ Баку была зловѣщая тишина, нарушаемая одиночными выстрѣлами. Образовались разные комитеты самообороны, городъ патрулировался самыми разнообразными патрулями, иногда обстрѣливавшими другъ друга. Авіаціонная Школа продолжала дружно работать. Это былъ островъ порядка и дисциплины. Неожиданно и бессмысленно былъ убитъ какимъ-то ночнымъ патрулемъ Начальникъ Школы, Георгіевскій Кавалеръ, Старшій Лейтенантъ Петровъ.

Городъ притихъ. Говорили, что въ этомъ убійствѣ виноваты татары. Ихъ нѣкоторое время не стало видно на улицахъ. Говорили, что татары боятся, что летчики разне-

суть бомбами татарскую часть города. Но этого не случилось.

Положеніе стало стремительно измѣняться къ худшему. Власть въ городѣ перешла въ какія-то архиреволюціонныя руки. Была объявлена регистрація всѣхъ офицеровъ «на предметъ мобилизаціи въ красную армію».

Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы итти въ красную армію. Къ сожалѣнію, мы были разрознены, никакихъ крупныхъ группировокъ для совмѣстныхъ однородныхъ дѣйствій у насъ не было, мы не были и не могли быть связанными ни съ какими бѣлыми частями, т. к. о существованіи такихъ мы не знали и не могли знать. Одно мы знали твердо, это то, что мы нужны Россіи, и что мы будемъ такъ или иначе Ей служить. Больно отозвалось въ сердцѣ извѣстіе о Бресть-Литовскомъ мирѣ. Онъ казался міровымъ позоромъ для Россіи. Мы считали необходимымъ продолжать войну съ Германіей. Во Франціи были русскіе отряды ген. Лохвицкаго. Въ Баку оставаться было невозможно, и мы рѣшили пробираться во Францію.

«Мы — это были пять офицеровъ, связанныхъ дружкой. Два инженеръ-механика, мичманы Глѣбъ Сергіевскій и Каминскій, оба впоследствии погибшіе, два кавалериста и я. Въ нашемъ рѣшеніи было, конечно, нѣкоторое Донъ-Кихотство. Но мы не собирались погибать безъ всякой пользы для Родины: мы были молоды, мы крайне остро переживали все происходящее, мы искали примѣненія своихъ силъ. Все, что могло быть обращено въ деньги, было продано, и въ мартѣ 1918-го года, когда было издано запрещеніе офицерамъ выѣзжать изъ Баку, мы бѣжали въ Красноводскъ, оттуда въ Мешедесеръ въ Персію. Арестъ въ

Мешедессерѣ, мытарства, походъ чрезъ дикія горы и вѣчные снѣга (мы пересѣкли вершину горы Демавендъ) въ Тегеранъ. Вновь на короткое время тихая и мирная обстановка. Мы обласканы нашимъ посольствомъ.

Немного передохнувъ въ Тегеранѣ, даже заработавъ концертомъ нѣкоторую сумму, запасшись документами, мы двинулись дальше на Казвинъ съ цѣлью пробраться оттуда въ Басру, а затѣмъ уже моремъ во Францію.

Въ Казвинѣ оказалось, что всякій транспортъ, кромѣ пѣшаго, находится въ рукахъ англійскаго генерала Данстервиля. Обратились къ нему. Онъ сразу заявилъ, что никакихъ возможностей для нашего дальнѣйшаго движенія онъ не дастъ, т. к. мы ему нужны, и онъ приглашаетъ насъ поступить на англійскую военную службу и войти въ его отрядъ. Мы поблагодарили за честь и заявили безъ обиняковъ, что мы здѣсь не для того, чтобы служить англійскимъ интересамъ въ Персіи, что у насъ свои собственные русскія цѣли. Любезно улыбаясь, генераль заявилъ намъ, что это наше дѣло. Что касается его, то дальше онъ насъ не пуститъ. Если мы хотимъ, то можемъ итти пѣшкомъ. На автомобиль до Басры что-то около недѣли пути, по дорогѣ есть разбойники, часть дороги — голая пустыня. Но если мы хотимъ итти пѣшкомъ, то онъ возраженій не имѣетъ.

Такъ и ушли мы отъ генерала ни съ чѣмъ. Ругались, негодовали на «милыхъ союзничковъ», строили планы одинъ другого хуже, ходили опять къ генералу, но безрезультатно. Я уѣхалъ одинъ въ Тегеранъ жаловаться въ англійскомъ посольствѣ на Данстервиля, хлопотать въ русскомъ посольствѣ, заручиться болѣе крѣпкой поддержкой французскаго посла, милѣйшаго Monsieur Leconte. Результаты были неудовлетворительны. Въ одинъ изъ этихъ дней бѣготни по

Тегерану, меня пригласилъ къ себѣ на чашку чаю англійскій военный атташе, и тутъ произошелъ разговоръ, рѣшившій нашу судьбу. Онъ объяснилъ, что дѣло не въ англійскихъ интересахъ въ Персіи. На Кавказъ движутся турки по пятамъ разбѣгающейся нашей Кавказской Арміи, совершенно неспособной къ защитѣ русской территоріи. Союзники не могутъ допустить, чтобы Кавказъ и Закавказье были заняты турками. Эти послѣдніе, вѣроятно, скоро подойдутъ къ Баку. Туркамъ и нѣмцамъ нужна Бакинская нефть. Англичане готовятъ на сѣверѣ Персіи «кулакъ» для дѣйствія на Кавказѣ противъ турокъ. Присоединяясь къ ихъ отрядамъ, мы будемъ служить какъ Россіи, такъ и общему дѣлу союзниковъ. У меня было еще одно возраженіе: трое изъ насъ — морскіе офицеры, а не сухопутные. Но оказалось, что ожидается прибытіе морскихъ частей для вооруженія коммерческихъ пароходовъ на Каспій. Орудія придутъ изъ Месопотаміи, съ англійскихъ канонерокъ. Атташе развилъ мысль, что послѣ отраженія турокъ, англичане намѣрены помочь формирующимся кое-гдѣ на югѣ Россіи бѣлымъ частямъ въ борьбѣ противъ большевиковъ. Помочь, какъ вѣрные союзники Россіи противъ большевизской заразы, появившейся въ Россіи, благодаря прямому содѣйствію общаго врага — Германіи. Благодаря Брестъ-Литовскому миру, борьба съ большевиками стала для союзниковъ необходимой. Узнавъ, что я былъ въ Гельсингфорсѣ въ началѣ революціи, военный атташе сталъ разспрашивать о подробностяхъ убійства Командующаго Балтійскимъ Флотомъ Адмирала Непенина. Интересовался слухами о томъ, что онъ былъ убитъ германскимъ агентомъ, переодѣтымъ матросомъ.

Итакъ, значитъ, отрядъ Данстервиля скапливался для того, чтобы прогнать турокъ съ Кавказа, а затѣмъ, чтобы по-

мочь бѣлымъ русскимъ отрядамъ противъ большевиковъ. Могла ли у меня или у кого-либо изъ насъ возникнуть мысль о томъ, что здѣсь можетъ итти рѣчь объ «интервенціи» — противъ Россіи, противъ интересовъ русскаго народа? Нѣтъ. Здѣсь было джентельменское соглашеніе о помощи и совмѣстной работѣ, казавшееся вполне естественнымъ и желательнымъ. Я вернулся въ Казвинъ, и мы всѣ пятеро были зачислены въ «Данстерфорсъ», силы ген. Данстер-виля.

Какъ-то, идя по залитой солнцемъ пыльной и немощной улицѣ Казвина, я столкнулся съ двумя оборванными, грязными, звѣрскаго вида красноармейцами, вооруженными винтовками. Отъ неожиданности опѣшилъ, сталъ всматриваться... и вдругъ за грязью и густой растительностью на лицахъ разсмотрѣлъ знакомыя и дорогія черты двухъ большихъ друзей и соплавателей, старшаго лейтенанта Н. В. Потолова и лейтенанта П. М. Ротаста, оба Балтійскаго Флота. Поташилъ ихъ въ нашъ домикъ. Разспросамъ и рассказамъ не было конца. Оказалось, что ими руководили тѣ же цѣли, что и нами, но добрались они въ Персію другимъ путемъ, чрезъ Владикавказъ — Энзели — Решть. Двигались то пѣшкомъ, то ползкомъ, то поѣздомъ, разыгрывая самую разнообразную роли въ зависимости отъ обстановки, подвергаясь неисчислимымъ опасностямъ, часто на волосокъ отъ гибели. Подъ Рештомъ, уже въ Персіи, сумѣли обмануть бдительность персидскаго бандита Кучикъ-хана, иначе попали бы къ нему въ руки и врядъ ли выбрались бы живыми. Этотъ Кучикъ-ханъ расположился вдоль дороги Энзели-Решть и, помимо богатыхъ персовъ, специализировался еще на ловлѣ и ограбленіи русскихъ бѣ-

женцевъ. Его отряды представляли изъ себя довольно большую и прекрасно вооруженную силу.

Потолова и Ротаста мы привели общими усиліями въ человѣческій видъ и на слѣдующій день, послѣ долгихъ дебатовъ, направили къ Данстервилю. Та же исторія, что и съ нами, и оба вступаютъ въ наши ряды. Разговоръ съ Данстервилемъ былъ типично Потоловскаго типа. Какъ потомъ выяснилось, Данстервиль, не потрудившись объяснить въ чемъ дѣло, заявилъ просто, какъ въ свое время намъ, что или оба поступятъ въ его отрядъ, или останутся въ Казвинѣ безъ дѣла, но дальше никуда двинуться не смогутъ. На это Потоловъ сказалъ со спокойной улыбкой, что недостаточное знаніе англійскаго языка не даетъ ему возможности оцѣнить заявленіе генерала англійскимъ словомъ, но что по-русски это называется «шантажъ». Немного понимавшій русскій языкъ Данстервиль, еще болѣе любезно улыбнувшись, сказалъ, что по-англійски это называется «блэкмейль». Послѣ чего всѣ разсмѣялись, но Данстервиль счелъ нужнымъ дать Потолову и Ротасту подробныя объясненія относительно цѣлей «Данстерфорса».

Казвинъ кипѣлъ накапливающимися силами «Данстерфорса» и присоединившимся къ нему отрядомъ генерала Бичерахова. Затрудняюсь сказать, какъ этотъ отрядъ очутился здѣсь, и откуда онъ появился. Это была русская часть, въ достаточной мѣрѣ подходившая подъ понятіе дикой вольницы. На регулярную воинскую часть, поднятую, со строгой воинской дисциплиной, они не походили. Кое-какая дисциплина у нихъ была, такъ сказать, революціоннаго порядка. Драться съ большевиками они были готовы. Впослѣдствіи этотъ отрядъ, несмотря на всѣ его недостатки, зарекомендовалъ себя въ боевомъ отношеніи довольно хорошо, и въ дѣйствіяхъ дисциплина ихъ была хорошей. Би-

чераховъ насъ не любилъ, чувствуя въ насъ людей другого склада. Мы же нѣсколько сторонились всей этой дикой вольницы, красочныхъ, съ умысломъ неоднородныхъ, нарядовъ, пьянаго дебоширства и нарочитаго отсутствія скромности, той нашей привычной скромности, въ которой воспитывается морская братія, да и всякая достойная своего имени воинская часть.

Въ ожиданіи похода намъ были даны разныя занятія. Мнѣ пришлось быть военнымъ цензоромъ на почтѣ. Кромѣ того, мы были заняты полировкой своего англійскаго языка. Милый Глѣбушка Сергіевскій специализировался на отысканіи такихъ англійскихъ словъ, которыхъ и англичане не понимали. Жили мы очень дружно, жадно ловили новости изъ Россіи, дѣлились ими, жарко обсуждали, вѣрили въ себя, съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія на Родину. Наблюдали нравы англійскихъ офицеровъ, перестали при встрѣчахъ привѣтствовать ихъ аккуратно, какъ привыкли, замѣняя это, какъ и они, либо подмигиваніемъ, либо небрежнымъ поднятіемъ руки или стѣка, либо простой гримасой. Это потому, что замѣтили, что, когда привѣтствуемъ ихъ по-нашему, выходитъ односторонне, и въ результатѣ какое-то пренебреженіе съ ихъ стороны. Этого не допускаемъ, попытки смотрѣть на насъ сверху внизъ пресѣкаемъ. О какомъ «пренебреженіи» тутъ вообще можетъ быть рѣчь? Мы служимъ Россіи, а они для насъ — случайное средство, эпизодъ. За короткое время, ведя себя съ большой независимостью, мы поставили себя такъ, какъ слѣдовало, и тогда оказалось, что большинство англійскихъ офицеровъ славные ребята и хорошіе товарищи.

Какъ-то раннимъ утромъ мы узнали, что изъ Баку прибылъ англійскій консулъ Макдональдъ. Не ожидая приглашенія, немедля отправились къ нему. Макдональдъ былъ еще въ пижамѣ, заспанный. Забросали его вопроса-ми. Новостей было много. Вскорѣ за волной того, что было когда-то нашей побѣдной Кавказской Арміей, докатившейся разрозненными, грабившими и безчинствовавшими бандами до береговъ Каспія, появились отличныя турецкія войска. Докатившись до моря, банды либо разбѣжались передъ продвигающимися турками, либо стали оказывать кое-какое сопротивленіе. Турки находятся уже на подступахъ къ Баку. Русскіе «революціонные солдаты» растеряны. Есть нѣсколько сравнительно здоровыхъ частей, но командовать некому. Офицеровъ мало, большинство погребло. Бакинцы, прослышавъ про англійскій отрядъ въ Персіи, приглашаютъ его притти на помощь. Какъ, неужели и «пролетаріатъ» тоже приглашаетъ? Да, и пролетаріатъ тоже приглашаетъ. Предъ лицомъ грозной турецкой опасности стали нѣсколько приходиться въ себя.

Былъ іюнь 1918-го года. «Бичераховцы» выступили въ походъ на Рештъ, очищать дорогу для «Данстерфорса» отъ бандъ Кучикъ-хана.

Возможно, что читающій эти строки удивится, какъ это собственно случилось, что на сѣверѣ Персіи появились во время русской революціи и міровой войны англійскія войска? Дипломатической и, такъ сказать, «союзнической» отвѣтъ, несомнѣнно, будетъ доказывать, что появились они съ цѣлью оказать кому-то помощь. Когда-то этому еще можно было вѣрить. Но «принципъ помощи другимъ» не сталъ ли уже давно классическимъ предлогомъ для боль-

шинства націй помогать самимъ себѣ? Безкорыстная помощь — явленіе въ западно-европейской политикѣ, несомнѣнно, необычное, намъ русскимъ, хорошо знакомое изъ родной исторіи. Воспитанные на рыцарскихъ принципахъ, руководившихъ Россіей на протяженіи ея исторіи, мы по самому характеру своему склонны, вѣрнѣе, склонны были, вѣрить въ существованіе подобныхъ рыцарскихъ принциповъ чуть ли не у всѣхъ націй. Идеализмъ, руководившій многими актами помощи, оказанной Россіей другимъ націямъ, былъ, вѣроятно, одной изъ непонятныхъ составныхъ частей загадочной «амъ славъ». Итакъ, откинувъ возможность идеализма, возьмемъ въ данномъ случаѣ просто за «дѣло», за «бизнесъ» и подъ этимъ угломъ зрѣнія попробуемъ объяснить присутствіе англійскихъ вооруженныхъ силъ на сѣверѣ Персіи.

Во-первыхъ, несомнѣнный развалъ нашихъ армій на турецкомъ фронтѣ создавалъ угрозу союзникамъ возможностью для турокъ захватить богатый сырьемъ Кавказъ. Это надо было какъ-то предотвратить. Посланныхъ для этого англійскихъ войскъ было недостаточно. Но англичане, несомнѣнно, надѣялись однимъ своимъ появленіемъ подкрѣпить здоровыя русскія части. Пониманія размѣровъ російской катастрофы въ этомъ было маловато.

Во-вторыхъ, наложить хотя бы временно руку на Бакинскую нефть въ общей кашѣ русской революціи было заманчивой перспективой.

Въ третьихъ, допущеніе турокъ или большевиковъ въ сѣверную Персію создавало въ военное время нѣкоторую угрозу Индіи.

Въ четвертыхъ, можно было по дорогѣ, пользуясь обстановкой, выкорчевать сильное русское вліяніе въ сѣверной Персіи. Можетъ быть, были и другія причины, но и